

Оглавление

Часть первая

октябрь 2022 — ноябрь 2022

Глаза вытекают	7
Не вези меня в Луганск.	9
Самая некрасивая.	13
Реанимация	21
Снайпер.	26
Уехал.	32
До дыр	36

Часть вторая

май 2020 — май 2021

Слово это Бог	43
Волчонок	52
Горизонт	63
Зубы твои помню	71
Очень плохая примета	76
Место для инвалидов.	79
Как она умирала	82

Человек без легких	84
Фокусы	86
Дела мальчишек	88
Что за цирк	93
Мой фазан	96
Присутствие	100
У тебя есть надежда	104
Новый год	110
Имитации	114
Платья	119
Метаморфозы	123

Часть третья

март 2021 — март 2022

Как в кино	131
Волна	134
Цугцванг	137
Умер дедушка	140
Горячая линия	143
Ночью	148
Твердо спать	152
Шрамы	154
Мы смеялись	156
Нет денег	158
Другое имя	163
ДК Декабрь	168
Показалось	171
Дурочка	178
Вселенная лопнет	187
Крылатые качели	192

Это конец	196
Откуда снег?	200
Не может быть	205

Часть четвертая

май 2022 — май 2023

Амфибия	211
Костюмчик	213
Твой уходящий шаг	219
На тот берег	223
Листья	226
Выносимо	229
Море	232
Я объясняю	234
Отпели	237
Вещи	239
Нечего делать	241
Темнота	243
Я ушла в Смольный	245
Иду искать	254
Новые области	258
Начало	260
Дуче	264
Пианист	267
Последний день летний	272
Череп	275
Вдовы и вдовушки	278

Часть первая

октябрь 2022 —

ноябрь 2022

Глаза вытекают

Влажная, как вздох среди плача, осень. В фиолетовом лаковом тренче иду. Охают под моросью листья: зеленые, желтые, красные. Светофор приказывает остановиться. Мимо прохожий:

— Красивый плащ!

Светофор говорит идти. Серые кудри Пушкина, лавка с выбитым деревянным зубом, аллея. В городе все молоды и нарядны. И суетливы. Морось собирается в капли и туркает людей в темечко. Мне-то что. Намокнуть — меньшее зло в мире.

Если остановиться, капли на лаке тренча — как крошечные глаза. Продолжишь движение — и глаза вытекают.

— Девушка, а где вы такой плащ купили?

Круглые глаза вопрошающей — с лихим разлетом стрелок. Лаковый тренч слепит прохожих, как лампа мотыльков, и моего строгого выражения за ним не разглядеть. Обычная прогулка вмещает от одного до трех комплиментов. Свет тренча милосерден: мотыльки мотылятся дальше, не сторают.

Пешеходная улица прочерчена вширь квадратами плиток. Это значит, что можно быть строго в центре, будто в центре Вселенной, не в центре аллеи идешь. Некие другие это тоже просекли: бывает, мы движемся друг другу навстречу, как два барана, в упор. Победитель надевает на рога корону. Проигравший, как известно, плачет.

Те другие, что мне достались сейчас, бросают победу к ногам без боя. Я подбираю ее, чуть отряхиваю, надеваю на голову. Она немного давит на уши. Деревья аплодируют и теряют ладоши. Вызывать восторг увечных — гордая миссия.

— Какой у вас плащ классный!

— Спасибо. Гоша его очень любил.

Незнакомое имя, прошедшее время, история так себе, лучше не знать. Девчонка и не узнаёт, недоуменно улыбнется, блеснет колечком в носу на прощанье, в шелесте растворится. Девчонка и не узнаёт — а я все-таки расскажу.

Не вези меня в Луганск

В свободное от слез и работы время я хожу на свидания с симпатичными. Вот сегодня с одним, например. Пока он тянется за глинтвейном, поедаю глазами реверс его тонкой шеи, легкий пушок, аккуратные позвонки. Высокий, большеглазый, с пучком темно-русых волос на затылке. Всё то, да не то.

Чудное видение открывает рот и с сочным донбасским прононсом сообщает, что уже год как ищет работу. Какую-то офисную, интеллектуальную. А то он ничего не умеет.

Я слушаю и киваю. Когда начинаю говорить я, его глаза блестят, как начищенная ложка — в круглом ее преломлении любой покажется себе уродом.

Платит в кофейне он. Спонсор нашего глинтвейна — его мама, оставшаяся в Луганске.

Да ведь не вчерашний беженец, а лет восемь уже у нас, тикал еще от первых призывов в республике. За плечами — физкультурный вуз, студенческие чемпионаты по стране его тогдашнего гражданства, так что быстро убежать он умел. Думал быть тренером, но какой из него упал-отжался. Он — интеллигент. Были какие-то работы, ну, смартфонами торговал, но то разве то. В детстве читал Жюль Верна, не каждый осилит. Он безуспешно гоняет в голове вопрос, кем ему быть, принимает тупик за мысль, а себя за мыслителя. Дома на съемной он сварит себе пельменей и включит какой-то кинчик. Он курит дешевые, пока провожает меня на остановку.

Мы прощаемся, я улыбаюсь ему от уха до уха, он мешкает, не понимая, что всё это значит. А я просто люблю красивое. Мне очень нравится, что он живой, и сидел рядом со мной в кофейне. Я бы расставила по углам своего дома таких мальчиков, и ходила б среди них, будто в каждом углу — огромный, волнением дышащий, розовый букет. Главное, не забыть им всем рот замотать скотчем, а то нытья наслушаешься. Да я б и зарплату бы им платила, это честно. Даже жаль, что у меня нет денег на эпатажные излишества.

Я ныряю в автобус, сажусь у окна, хочу помахать напоследок, но он уходит, не оборачиваясь. Это зря, что я не умею спать с такими, как он. Чудесные небольшие ладони с длинными пальцами, ореховые глаза. Я могла бы влюбиться, если б он был статуей, — но он из костей и мяса, и такой придурок. Теперь он — просто силуэт в черном пальто, черное на черном, в камерке памяти и не различить.

Автобус движется, огни водят хороводы, кварталы поют хором, танец ли, песня вокруг, да всё невеселое. Дальше площади Гагарина темнеет Братское кладбище, и мне кажется, что вокруг снова лето, и я тащу Гошу гулять и целоваться. Мы входим за ограду, в конце главной аллеи видим скопление — чужих тут лет тридцать как не хоронят, гроб привезли к родне. Мы переглядываемся, секундное недоумение переходит в улыбки: надо же, какие мы знатоки мест для свиданий. Сворачиваем подальше от похорон, влажная зелень, деревья жмутся друг к другу всё ближе, дышат жаром. Гоша говорит, что в прошлый раз был на кладбище, когда хоронили его маму. Чувствовал, будто его самого в яму бросили, но сейчас, со мной, ему хорошо. Я обнимаю его за талию. Мы уходим с дорожки в непролазную глубь. Он такой высокий, что когда долго целуешь его, болит шея.

А потом мы шли в город, потные и счастливые, и целовались на каждом светофоре. Я высываю язык, Гоша хватает его губами, и от этого обоим очень смешно, потому что зрителей должно бы тошнить.

Автобус едет дальше, и темное ноябрьское Братское давно позади. Летнее Братское, на котором Гоша протер мою ягодицу влажной салфеткой, а потом рассказывал минут пять, что у меня самые прекрасные в мире глаза, останется со мной навечно.